

Грамматическая метафора в романе «Мастер и Маргарита»: лингвокультурологический аспект и проблема идентичности перевода

А. Ф. Пантелеев, С. У. Керимова
(Россия)

Resumen

Este artículo está dedicado al estudio de la metáfora gramatical en la novela de M. Bulgakov «Maestro y Margarita». La transposición morfológica es de gran valor cultural de la lengua y necesita la atención al traducir el texto a los idiomas extranjeros.

Грамматическая метафора рассматривается в современной лингвистике как перенос грамматической формы с одного вида отношений на другой, «в нетипичном ее основном значении окружении» (Федорова, с. 1), при этом целью подобного переноса является создание образности. Метафора в грамматике «нарушает грамматическую узуальность так же, как лексическая метафора порывает с привычными валентными связями» (Шендельс, 1972, с. 51). Лексическая метафора связана с «контрдетерминацией», или эффектом несбывшегося ожидания из-за разрыва семантического согласования (Weinrich 1967, p. 6). Экспрессивные возможности грамматической метафоры в сравнении с лексической беднее. Образность грамматическая менее яркая и индивидуальная, нежели образность слов, поскольку грамматические значения отличаются своим обобщенным, абстрактным характером (Шендельс, 1972, с. 50). Как перенос грамматической формы метафора в грамматике допустима лишь в контексте и только в рамках одной парадигмы, одной категории, что также делает данный тип метафоры менее ярким в сравнении с лексической. Однако современная лингвистика уделяет пристальное внимание эстетическим ресурсам грамматики (Власова, 2006; Гин, 1992; Хайрутдинова, 2009 и др.).

Практически каждая грамматическая категория способна выступать в качестве основы метафоры и приобрести художественную ценность (Шендельс, 1972, с. 56). Переносный тип употребления является стилистически намеренным, при этом степень экспрессивности может быть как ярко выраженной, так и «стертой», грамматическая метафора в этом случае экспрессивно не актуализирована (Ремчукова, 2000, с. 157). Определенные виды грамматической метафоры можно рассматривать в качестве приметы идиостиля писателя. Вместе с тем морфологическая транспозиция метафорического плана имеет лингвокультурологическую ценность. Грамматическая метафора способна ярко выражать специфику менталитета нации, особенностей эпохи, выступать в качестве средства характеристики образа. Метафора в грамматике может вызывать трудности при ее восприятии носителем другого языка, не обладающим фоновыми знаниями, свойственными представителям русской культуры, носителям русского языка. В настоящей статье рассматриваются примеры реализации грамматической метафоры в тексте романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и особенности перевода примеров реализации морфологической транспозиции на другие европейские языки.

Следует подчеркнуть, что примеров грамматической метафоры в произведениях писателя немного, но все они выполняют функцию средств создания экспрессивности текста, подчеркивают авторское отношение к описываемым событиям и образам героев булгаковской прозы. В сфере глагольных категорий необходимо отметить случаи переносного употребления в прозе Булгакова словоизменительных категорий лица и числа. Подобные примеры грамматической метафоры отличаются экспрессивной окрашенностью, ослабление первичного значения словоформы компенсируется коннотативным компонентом значения, ср:

«- Они, они! – козлиным голосом запел длинный клетчатый, во множественном числе говоря о Степе, - вообще они в последнее время жутко свинячат. Пьянствуют, вступают в связи с женщинами» (Булгаков, 1988, с. 350).

Форма множественного числа «они» употребляется в значении единственного числа, что подчеркивает отношение говорящего к Лиходееву.

Ранее, в XIX – начале XX века, местоимение «они» в значении единственного числа использовалось для указания на «третье» лицо, пользующееся всеобщим уважением, имеющее вес в обществе, т.е. местоимение «они» выполняло функцию, сходную с функцией местоимения «вы» в переносном значении. Данное переносное значение формы «они» являлось узуальным. Однако в вышеприведенном примере форма множественного числа употребляется как средство передачи презрительного отношения говорящего к «третьему» лицу. Большое значение для грамматической метафоры имеет контекст: якобы вежливое «они» резко контрастирует с «козлиным голосом», «жутко свинячат», «пьянствуют» и т.д. Стоит учесть, что Коровьев говорит о присутствующем в комнате Лиходееве, но употребляет форму 3-го лица, обозначающего «лицо, не участвующее в акте сообщения». Таким образом, значение транспонируемой формы в данном контексте прямо противоположно узуальному переносному значению формы множественного числа, грамматическая метафора ярче передает иронию говорящего, его издевательски-презрительное отношение к ничтожному Степе Лиходееву.

Использование подобных примеров грамматической метафоры создает дополнительные трудности при переводе произведений Булгакова на иностранные языки, например, на французский язык. Ср.:

«C'est lui, c'est lui ! entonna d'une voix chevrotante le long personnage à carreaux, en parlant de Stepan à la troisième personne. En général, depuis un certain temps, il se conduit comme un cochon, que c'en est effrayant. Il se soûle, profite de sa situation pour avoir des liaisons féminines, ... ! » (Boulgakov, 2007, p. 63).

В переводе лишь частично сохраняется подчеркиваемое автором отношение Коровьева к жалкому директору театра «Варьете», ср.:

«Это он, это он! – дрожащим голосом сказал нараспев долговязый клетчатый, говоря о Степане в третьем лице. – Вообще с некоторых пор он ведет себя как свинья, что ужасно. Он напивается, пользуется своим положением, чтобы вступать в связи с женщинами, ...» (перевод А.Ф. Пантелеева).

В оригинальном тексте важную роль, как уже было отмечено нами, выполняет транспонируемая форма множественного числа, что и подчеркивается автором романа. В переводе же грамматическая метафора как средство создания экспрессивности отсутствует. Негативная оценка говорящим Лиходеева

проявляется и во французском переводе, однако при использовании формы единственного числа утрачивается важнейшая часть этой оценки, а именно иронически-презрительное отношение Коровьева к Степе, т.к. данное значение в оригинале романа реализуется именно при помощи использования формы множественного числа (Panteleev, 2010, p. 157).

Сопоставим перевод фразы на французский язык с ее аналогом в англоязычном переводе романа Булгакова, ср:

«Theirself, theirself!» the long checkered one sang in a goat's voice, referring to Styopa in the plural. 'Generally, theirself has been up to some terrible swinishness lately. Drinking, using their position to have liaisons with women... » (Boulgakov, 1997, p. 52).

Ср.: «Они, они! - длинный клетчатый пел козлиным голосом, обращаясь к Степе во множественном числе. - В общем, они дошли до какого-то ужасного свинства в последнее время. Пили, использовали свое положение, чтобы иметь связи с женщинами...» (перевод Е.А. Пантелеевой).

Экспрессивный характер грамматической метафоры в переводе на английский язык оказывается полностью утраченным. Переводчик не утруждает себя поиском функциональных аналогов тех или иных выразительных средств русского языка.

Подобное встречается в том случае, если автор перевода, сосредоточившись полностью на содержании, фабуле, стремясь максимально точно передать читателю информацию, пренебрегает национальной спецификой, мало заботится о форме. В переводе текста романа на испанский язык встречается такая конструкция:

« - Aquello, aquello - intervino con voz de cabra el tipo largo de los cuadros, refiriéndose a Stiopa, - últimamente está haciendo mucha sin conveniencias» (Bulgákov, p. 51).

Ср.: « - Этот, этот – вмешался длинный клетчатый тип с козлиным голосом, обращаясь к Степе, - в последнее время он доставляет множество неудобств» (перевод С.У. Керимовой).

Как видно из перевода, характер морфологической транспозиции не передан в испанском варианте текста романа, однако переводчик попытался передать пренебрежительное отношение к Степе употреблением местоимения «aquello», употребленного в среднем роде (лишь частично сохранившемся в современном испанском языке), то есть, он говорит о Лиходееве как лице неодушевленном, что, так или иначе, подчеркивает отношение говорящего к Степе.

Использование окказиональных форм при грамматической метафоре встречается в прозе Булгакова крайне редко, однако, как нам кажется, тем ценнее подобные примеры, актуализирующие тончайшие оттенки смысла, акцентирующие на них внимание адресата сообщения, ср.:

«- Неужели вы скажете, что это он сам собою управил так? Не правильнее ли думать, что управился с ним кто-то другой? – и здесь незнакомец рассмеялся странным смешком» (Булгаков, 1988, с. 280).

В данном примере используется окказиональная форма глагола «управиться» без постфикса «-ся». Говорящий (Воланд) употребляет форму «управил» с целью показать, что человек не может управлять своей судьбой. Окказионализм «управить» нужно рассматривать как глагол действительного залога, обозначающий действие субъекта - активного деятеля «он». Намеренное

нарушение норм русского языка позволяет Воланду лучше показать абсурдность этого предположения о человеке - субъекте действия. Используемая в постконтексте узуальная форма «управился» позволяет нам лучше понять мысль Воланда: во втором предложении человек уже не субъект, а объект, на который косвенно направлено действие глагола «управился».

В переводе текста романа на французский язык данная фраза Воланда звучит так:

«Allez-vous me dire que celui à qui cela arrive l'a voulu ? N'est-il pas plus raisonnable de penser que celui qui a voulu cela est quelqu'un d'autre, de tout à fait neutre?...» (Boulgakov, 2007, p. 24).

Попытка переводчика сохранить общий смысл высказывания может быть признана успешной, однако весьма существенное отступление от авторского замысла все же можно заметить, ср.:

«Не собираетесь ли вы мне сказать, что тот, с кем это случается (происходит), захотел этого? Не благоразумнее ли думать, что тот, кто захотел этого, есть кто-то другой, совершенно (в самом деле) нейтральный?» (перевод А.Ф. Пантелеева).

Как видим, в переводе на французский язык утрачивается важная для автора романа идея абсурдности самого предположения о человеке, управляющем своей судьбой, активно действующем субъекте.

Еще менее удачным нам представляется перевод данной фразы Воланда на английский язык:

'Are you going to say it was he who governed himself that way? Would it not be more correct to think that he was governed by someone else entirely?' (Boulgakov, 1997, p. 13).

В британском переводе утрачивается смысл булгаковской метафоры, поскольку для носителя английского языка является нормативным использование конструкции «governed himself», ср.:

«Вы собираетесь сказать, что это был он, кто с собою управился так? Не было бы более правильно думать, что им управлял кто-то совершенно другой?» (перевод Е.А. Пантелеевой).

Утрачены компоненты смысла и в переводе данного фрагмента текста на испанский язык, ср.:

«- No me dira usted que el mismo decidio sobre el. No es mas corrercto pensar que fue otro quien decidio sobre el?» (Bulgákov, p. 14).

Ср.: *«- Не говорите мне, что он сам так решил насчет себя. Не правильнее ли думать, что был кто-то другой, кто решил за него?»* (перевод С.У. Керимовой).

Здесь мы можем наблюдать передачу смысла, причем передачу весьма, на наш взгляд, удачную. Хотя морфологическая транспозиция в переводе никак не передана, но автору удалось иным образом подчеркнуть то, что не сам человек собою управляет, а управляет им кто-то другой. Переводчик передал это при помощи эмфазы, намеренного изменения порядка слов, с целью акцентировать внимание на субъекте действия: «fue otro quien decidio sobre el».

Нужно отметить, что подобные примеры морфологической транспозиции органично вплетены в ткань повествования, грамматическая метафора используется автором текста как средство создания экспрессивности. Трудность состоит в том, что передать данную грамматическую метафору морфологическими средствами испанского или английского языка просто

невозможно. Перевод является удачным, адекватным, если в нем была полностью сохранены авторские интенции, отражена эпоха, передана характеристика состояния героя произведения.

Грамматическая метафора выполняет крайне важную функцию в художественном тексте. При всей немногочисленности примеров ее использования, грамматическая метафора является средством создания образа, экспрессивности. Транспонируемые формы необходимы автору текста для того, чтобы лучше охарактеризовать героев произведений, передать собственные мысли и настроения.

Художественный текст опирается на образное отражение мира и обладает функцией эмоционального воздействия на читателя. В художественном тексте обычно передается информация и интеллектуальная, и эмоциональная, и эстетическая. Вполне естественно, что для этого требуются и особые разноуровневые способы передачи информации. Одним из средств передачи эмоциональной информации, экспрессии можно считать грамматическую метафору.

Адекватность перевода конструкций, содержащих грамматическую метафору, представляет несомненную проблему, поскольку в русском языке, языке флективном, грамматическая метафора имеет богатый арсенал средств ее реализации, особенно в плане транспонирования в рамках словоизменительных категорий. Переводчик должен стремиться перевести текст так, чтобы читатель перевода получил то же художественное впечатление, что и читатель оригинала. Вместе с тем при переводе необходимо максимально полно сохранить и всеми имеющимися в своем распоряжении способами объяснить читателю встречающиеся в тексте реалии, особенности той культуры, в рамках которой создано произведение.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. БУЛГАКОВ, М.А., 1989: *Белая гвардия. Мастер и Маргарита*. Киев, Молодь.
2. ВЛАСОВА, Ю.Н., 2006: «Французское местоимение *On* как проявление грамматической метафоры». *Риторика и культура речи в современном обществе и образовании: сборник материалов X-й Международной конференции по риторике*, М., сс. 37-41.
3. ГИН, Я.И., 1992: *Поэтика грамматического рода*. Петрозаводск.
4. РЕМЧУКОВА, Е.Н., 2000: «Морфологическая транспозиция как тип функционального варьирования грамматической формы». *Проблемы функциональной грамматики*, СПб., Наука, сс. 79-90.
5. ХАЙРУТДИНОВА, Г.А., 2009: *Эстетические ресурсы морфологических средств русского языка*: автореферат дисс. докт. филол. наук., Казань.
6. ФЕДОРОВА, М.А.: *Грамматическая метафора*, <http://frgf.utmn.ru>.
7. ШЕНДЕЛЬС, Е.И., 1972: «Грамматическая метафора». *Филологические науки*, № 3, сс. 48-57.
8. PANTELEEVA, A.F., 2010: «Grammatical metaphor in the Russian literature of the 20th century». *Language, individual and society in the modern world: 4th International research conference*, Burgas, Bulgaria, <http://www.science-journals.eu>, pp. 145-169.

9. BULGÁKOV, M. A., 2009: *El maestro y Margarita*. Debolsillo, 2009.
10. BOULGAKOV, M., 2007: *Le Maitre et Marguerite*, Julliard.
11. BOULGAKOV, M., 1997: *Master and Margarita*, Penguin books.
12. WEINRICH, H., 1967: «Semantik der Metapher». *Folia linguistic*, №1, pp.3-17.